

ARGOT TRANSLATION IN S. DOVLATOV'S PROSE (BASED ON THE TRANSLATION OF "PUSHKIN HILLS" AND "CRAFT" INTO SPANISH AND PORTUGUESE)

Yulia I. Mikaelyan

MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract. Using the example of translations of the novella "Pushkin Hills" and the novel "Craft" into Portuguese (Brazilian national version) and Pyrenean version and Argentine national version of Spanish, the article analyzes the strategies for translating prison slang vocabulary discovered in S. D. Dovlatov's writings. Prison jargon is an important element of the writer's idiosyncrasy, and it is found in almost all his texts. For example, Dovlatov often uses prison jargon to define his characters by linguistic means, in their direct speech. The cultural marking of the Russian prison-camp jargon is particularly difficult to translate. Due to historical circumstances in the twentieth century, many lexemes from prison jargon moved into colloquial speech, while maintaining a special expressiveness and connotations. Prison jargon is present in all languages and cultures, however, as a rule, it is used by a rather narrow circle of people, while for people far from the prison environment, the meanings of these jargonisms are unclear. As a result, the translation of jargonisms in which the Russian reader of Dovlatov instantly reads the implicit information referring to the prison environment poses a difficult task for translators, as in most cases there are no connotative equivalents in the translation language. Within the framework of the communicative-functional approach, due to the comparative analysis of translated texts, the article examines the translation strategies used by translators to convey the stylistic originality and expressiveness of prison jargon found on the pages of S. Dovlatov's works. The analysis of the translated texts has demonstrated that due to the fact that the prison jargon used by the writer mainly refers to the layer of non-equivalent vocabulary, in order to achieve the communicative equivalence of the translation texts, translators turn to both the strategy of foreignization and the strategy of domestication, adapting the text to the culture of translation; often slang and reduced expressions are replaced in translation by stylistically neutral ones; in some cases, translators also turn to free translation (for example, when translating puns). Such translation substitutions inevitably lead to distortions of the author's intention and to the loss of some expressions of the original text. Nevertheless, the reception of Dovlatov's works by foreign readers demonstrates that the translation of his prose with at least partial preservation of cultural and stylistic originality is possible.

Keywords: Sergei Dovlatov, Russian literature, literary translation, translation strategies, jargon, communicative-functional approach, communicative equivalence

For citation: Mикаэлян, Yu. I. (2023). Argot translation in S. Dovlatov's prose (based on the translation of "Pushkin Hills" and "Craft" into Spanish and Portuguese). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), pp. 96–107. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-96-107>

Исследовательская статья

ПЕРЕВОД АРГО В ПРОЗЕ С. Д. ДОВЛАТОВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОВЕСТИ «ЗАПОВЕДНИК» И РОМАНА «РЕМЕСЛО» НА ИСПАНСКИЙ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ ЯЗЫКИ)

Ю.И. Микаэлян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье на примере переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на португальский язык (бразильский национальный вариант) и испанский язык (пиренейский вариант и аргентинский национальный вариант) анализируются стратегии перевода тюремной жаргонной лексики, присутствующей в произведениях С.Д. Довлатова. Тюремный жаргон является важным элементом идиостиля писателя и встречается практически во всех его текстах. Например, Довлатов нередко использует тюремные жаргонизмы для характеристики своих персонажей языковыми средствами, в их прямой речи. Особую сложность при переводе представляет культурная маркированность русского тюремно-лагерного жаргона: в силу исторических обстоятельств в XX веке многие лексемы из тюремного жаргона перешли в разговорную речь, сохраняя при этом особую экспрессивность и коннотации. Тюремный жаргон присутствует во всех языках и культурах, однако, как правило, употребляется довольно узким кругом лиц, в то время как для людей, далёких от тюремной среды, значение этих жаргонизмов непонятно. В результате перевод жаргонизмов, в которых русский читатель Довлатова мгновенно считывает имплицитную информацию, отсылающую к тюремной среде, ставит непростую задачу перед переводчиками, поскольку в большинстве случаев в языке перевода нет коннотативных эквивалентов. В рамках коммуникативно-функционального подхода, за счёт сопоставительного анализа переведённых текстов, в статье исследуются стратегии перевода, используемые переводчиками для передачи стилистического своеобразия и экспрессивности тюремного жаргона, встречающегося на страницах произведений С. Довлатова. Анализ переведённых текстов продемонстрировал, что в связи с тем, что тюремные жаргонизмы, используемые писателем, преимущественно относятся к пласту безэквивалентной лексики, для достижения коммуникативной эквивалентности текстов перевода переводчики обращаются как к стратегии форенизации, так и к стратегии доместикации, адаптируя текст под культуру перевода; нередко жаргонные и сниженные выражения заменяются в переводе стилистически нейтральными; в некоторых случаях переводчики обращаются и к свободному переводу (например, при переводе каламбуров). Подобные переводческие трансформации неизбежно ведут к искажению авторского замысла и частичной утрате экспрессии, присутствующей в оригинале. Несмотря на это, восприятие произведений Довлатова зарубежными читателями демонстрирует, что перевод его прозы с хотя бы частичным сохранением культурного и стилистического своеобразия возможен.

Ключевые слова: С. Довлатов, русская литература, художественный перевод, стратегии перевода, жаргонная лексика, коммуникативно-функциональный подход, коммуникативная эквивалентность

Для цитирования: Микаэлян Ю.И. (2023). Перевод аргос в прозе С.Д. Довлатова (на примере переводов повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на испанский и португальский языки). *Филологические науки в МГИМО*. 9(4), С. 96–107. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-96-107>

Последние десятилетия явления глобализации продолжают сближать носителей разных языков и культур, в связи с чем всё большую актуальность приобретают исследования в области семиотики, переводоведения и межкультурной коммуникации, а также восприятия национальных литератур у иностранных читателей. Тесные межкультурные связи способствуют и процессу перевода на иностранные языки художественной литературы. Это, в свою очередь, позволяет читателям знакомиться как с новыми зарубежными авторами, ранее не переводившимися, так и с новыми переводами уже широко известных произведений.

Книги С. Д. Довлатова (1941–1990), одного из крупнейших русских писателей второй половины XX века, начали переводить на иностранные языки ещё при жизни автора. Уже первые публикации на английском языке, в начале 80-х гг., имели большой успех среди англоязычной публики США (Довлатов проживал в Нью-Йорке с 1978 года вплоть до самой смерти в 1990 году); тогда же произведения писателя начали активно переводиться и на другие европейские языки.

Одна из характерных особенностей авторского языка Довлатова, которую отмечают все исследователи его творчества, – это, с одной стороны, стилистическая безупречность авторской речи, а с другой, разнообразие стилевых регистров в прямой речи персонажей. И если в авторской речи писатель всегда придерживается нейтральной, стилистически выверенной литературной нормы, то речь его героев изобилует в том числе и сниженной лексикой, и просторечиями, и жаргонизмами. Жаргонную лексику, которая встречается в текстах писателя, можно сгруппировать вокруг пластов тем, представляющих важность для художественного мира Довлатова, которые являются лейтмотивами большинства его произведений. К ним относится тюремный жаргон, а также жаргонные слова и выражения, связанные с темой алкоголя и алкоголизма; профессиональный журналистский жаргон и др.

Другой характерной чертой прозы Довлатова является её сильный автобиографизм. В своих произведениях писатель перерабатывал собственный жизненный опыт и часто в основу сюжета ставил события из своей биографии, используя в качестве прототипов персонажей реальных людей – родственников и знакомых. Как известно, в армии Довлатов служил лагерным охранником в Республике Коми (1962–1965), и этот опыт сильно повлиял на его становление как писателя. «Тюремному» опыту полностью посвящён роман «Зона», однако отголоски лагерной темы так или иначе встречаются во всех его произведениях. Как отмечает И.Н. Сухих, один из крупнейших российских исследователей творчества Довлатова, «зона догоняет довлатовских героев, в том числе центрального, автопсихологического персонажа, всю жизнь. Почти в каждой книге есть эпизод, навязчивый мотив неожиданной встречи с ней» [9, с. 205–206]. Для характеристики персонажей языковыми и стилистическими средствами, через их прямую речь, Довлатов часто использует тюремный жаргон. Перевод подобных фрагментов может представлять ряд сложностей для переводчиков, поскольку помимо адекватной передачи смысла и сохранения авторского замысла в задачи переводчика входит также и сохранение авторского стиля на языке перевода.

Цель данной статьи – в рамках коммуникативно-функционального подхода рассмотреть возможные стратегии перевода и культурной адаптации тюремно-лагерного жаргона, который встречается в произведениях писателя. Для этого будут проанализированы переводы повести «Заповедник» и романа «Ремесло» на пиренейский вариант и аргентинский национальный вариант испанского языка и на бразильский вариант португальского языка. Переводы этих текстов вышли в трёх странах почти одновременно: повесть «Заповедник» была опубликована в 2016 году в Бразилии и Аргентине (браз., *Parque cultural*; арг., *La reserva nacional Pushkin*), в Испании в 2017 году (исп., *Retiro*); роман «Ремесло» вышел в 2016 году в Аргентине (*El oficio*), в 2017 году – в Бразилии и Испании (браз., *O oficio*; исп., *Oficio*).

Как отмечает В.С. Модестов в своей книге «Искусство художественного перевода», «перевод изначально не может быть равным оригиналу, потери и добавления неизбежны, но он должен соответствовать ему по силе и направленности содержательного и эмоционального воздействия на читателей» [6, с. 31]. Включение читателя в перевод, а также необходимость принимать во внимание в том числе и особенности экстралингвистического характера позволяют рассматривать проблему перевода художественного текста (и в частности, перевода тех или иных пластов лексики, встречающихся в художественном тексте) в рамках коммуникативно-функционального подхода, выдвигающего на первый план функцию, цель переводимого текста [10, с. 47]. Его разработка началась в 70-е годы Катариной Райс и Хансом Фермеером, авторами переводческой концепции, получившей название теории скопоса (нем. *Skopos*theorie, от гр. «скопос» – цель). В статье «Тип, вид и индивидуальность текста: принятие решений при переводе» (*Type, kind and individuality of text: decision making in translation*) Райс отмечает, что одна из главных целей межъязыкового перевода – это «создание текста, функционально эквивалентного оригиналу» [19, с. 160] (Здесь и далее перевод иноязычных работ мой. – Ю. М.).

Применительно к теме нашего исследования, согласно данной концепции, переведённое выражение должно обладать той же экспрессией и теми же коннотациями, которые вызывает жаргонное выражение в исходном тексте. Важно отметить, что сохранение экспрессии и коннотаций не предполагает привязки к семантической эквивалентности, которая во многих случаях не может обеспечить адекватную передачу смысла исходного текста. Так, говоря о стратегии перевода и проблеме эквивалентности, выдающийся российско-испанский лингвист и теоретик перевода З.Д. Львовская отмечает, что иногда, «несмотря на наличие языковых эквивалентов в языке перевода, они не могут использоваться по экстралингвистическим причинам», а «стратегия и конкретный выбор переводчика в пользу того или иного варианта перевода зависят не от того, имеются или не имеются соответствия в языке перевода (формальный фактор), а от других, чисто коммуникативных факторов, которые оказываются релевантными, чтобы сохранить в переводном тексте концептуальную программу автора исходного текста и обеспечить приемлемость переводного текста в принимающей культуре» [5, с. 22-23]. В дальнейшем Львовская приходит к выводу, что коммуникативная эквивалентность является «единственной и действительной эквивалентностью в переводе», а для её достижения иногда может быть необходимо заменить в тексте перевода семантическое содержание исходного текста. Подобное семантическое несовпадение двух текстов при переводе «является универсальным феноменом» [там же, с. 54].

Сложности с переводом тюремной лексики в текстах Довлатова возникают в первую очередь из-за того, что «феня», русский тюремный жаргон (исследователи также обозначают его терминами «тюремно-лагерный жаргон», «воровской жаргон»), представляет собой культурно-специфическое явление, существующее в России и на просторах бывшего СССР. Тюремный жаргон существует во всех языках и культурах (в испаноязычных странах, в том числе в Испании и Аргентине, он обозначается термином *jerga carcelaria* или *jerga de prisión*, в Бразилии – *gíria de cadeia*), однако обычно им пользуется довольно закрытая социальная группа, а обыватели, как правило, с этими выражениями не знакомы. Идея зашифрованности, тайности содержится в самой лексеме *jerga*

(«жаргон», «арго»), согласно словарной статье в словаре Испанской королевской академии, где ей даётся следующее определение: «Lenguaje especial utilizado originalmente con propósitos crípticos por determinados grupos, que a veces se extiende al uso general»¹ [23].

Ситуация с советским тюремно-лагерным жаргоном принципиально иная: в силу исторических обстоятельств в СССР в XX веке началось распространение тюремной лексики за пределы тюрем и лагерей, и многие лексемы со временем перешли в разряд разговорной речи. Во время сталинских репрессий в лагерях оказались не только представители криминального мира, но и «обыватели», принадлежащие к самым разным социальным стратам, в результате чего лексемы особого, субкультурного языка, изначально использовавшегося довольно узкой и закрытой группой лиц, начали попадать в разговорную речь. В результате, как отмечает Л.П. Крысин, тюремно-лагерный жаргон, формировавшийся на протяжении нескольких десятилетий «в социально пёстрой среде советских лагерей и тюрем, (...) восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского арго, (...) значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им активно пользовался» [4, с. 92].

Многие писатели (в первую очередь те, кто и сам так или иначе столкнулся с лагерным опытом, в качестве заключённого или, как Довлатов, в качестве надзирателя) использовали тюремно-лагерный жаргон в своём творчестве. Особенно ярко лагерная тема нашла отражение в литературе в период «оттепели», в начале 60-х гг., а также и в 80-е гг. (не только годы сталинских репрессий, но и «период так называемого брежневского застоя значительно разбавили в тюрьмах и лагерях традиционный уголовный контингент качественно иным – политическими заключёнными» [7, с. 125]). Тюремный жаргон мы также встречаем в прозе А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, В.С. Гроссмана, В.П. Аксёнова и др. Его проникновение в литературу и в разговорную речь привело к тому, что значение многих тюремных жаргонизмов понятно и знакомо людям, никак не связанным с криминальной средой, и читатель Довлатова – носитель русской культуры – легко улавливает эти коннотации.

Сложность перевода жаргонной лексики, которая встречается в его книгах, признаёт на страницах романа «Ремесло» и сам автобиографический герой Довлатова: «Откровенно говоря, я не питал иллюзий. Вряд ли перевод окажется хорошим. Ведь герои моих рассказов – зеки, фарцовщики, спившаяся богема. Все они разговаривают на диком жаргоне» [2, с. 136].

Подобная культурная маркированность и отсутствие эквивалентов в языке перевода вынуждают переводчиков искать другие способы передачи стилистической и экспрессивной нагрузки, которые несут жаргонные слова и выражения. Как отмечает Модестов, как правило, жаргонизмы (а также диалектизмы) выполняют в тексте «три семантические функции, а) характеризую местное происхождение говорящего; б) характеризую его социально; в) подчёркивая его образовательный и культурный уровень» [6, с. 148]. Рассмотрим примеры употребления жаргонной лексики в произведениях Довлатова.

Один из самых колоритных персонажей повести «Заповедник», чья речь отличается особой экспрессивностью, – это алкоголик Михал Иваныч Сорокин, житель деревни Сосново, у которого арендует комнату главный герой. Речь Михал Иваныча изобилует сниженной и жаргонной лексикой, кроме того, в репликах персонажа читатель может наблюдать характерный стилистический приём, используемый Довлатовым для создания комического эффекта: автор резко меняет стилистический регистр, переходя от «высокого стиля» к «низкому», или наоборот. Например, как в анализируемом ниже фрагменте, следом за сакральным выражением персонаж употребляет сниженную или бранную лексику, тюремный жаргон. Неожиданное переключение также приводит к смене эмоционально-психологического регистра, на чём и строится юмор фрагмента. Кроме того, подобные контрасты служат для характеристики самого персонажа, амбивалентного и полного противоречий.

¹ Особый язык, изначально используемый отдельными социальными группами с целью шифрования информации, слова и выражения из которого могут становиться общеупотребительными.

Подобное контрастное сосуществование лексем, принадлежащих разным стилям речи, отражается в следующем примере. Рассмотрим стратегии, применяемые переводчиками для перевода фрагмента.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>	<i>La reserva nacional Pushkin</i>
Сосед, выручи, дай пятерочку... Ну, трояк... Христом-Богом прошу... Сучара ты бацильная ... [1, с. 204]	Vizinho, dê uma força, me dê cinco rublos... Bom, três... Imploro, por Nosso Senhor Jesus Cristo... Seu cuzão de merda ... [17, с. 67]	Échame una mano, vecino, dame cinco rublitos... Venga, aunque sean tres... Por Jesucristo te lo pido... Perra tuberculosa ... [18, с. 53]	¡Oye, vecino, sacame de apuro, préstame los cinco... bueno, tres rublos... Te ruego, por Cristo... Putá sifilítica ... [14, с. 55]

В силу отсутствия эквивалента – выражения, которое было бы понятно широким массам читателей и в то же время несло в себе отсылку к тюремной среде, – переводчики на португальский язык использовали стратегию доместикации. Термины «доместикация» и «форенизация» ввёл в обиход американский теоретик перевода Лоренс Вентути [22], опираясь на идею о двух противоположных методах перевода текста на иностранный язык, изложенную немецким философом Ф. Шлейермахером в тексте «О разных методах перевода» [20].

Так, стратегия доместикации предполагает адаптацию переводимого фрагмента под культуру перевода и допускает переводческие трансформации, задействующие фоновые знания иностранных читателей. Бразильские переводчики использовали бранное выражение, схожее по степени экспрессивности и эмоциональной нагрузке с выражением из исходного текста. Аналогично поступили и аргентинские переводчики, которые также выбрали бранное выражение, отчасти сохранив семантику оригинала (идею заразности, болезни) за счёт прилагательного *sifilítico*.

Испанские переводчики, напротив, предпочли перевести оборот дословно, использовав, таким образом, переводческую стратегию форенизации и умышленно сохранив «иностранное», не свойственное испанской культуре звучание фразы. Однако в этом случае подобное решение представляется нецелесообразным из-за значения выражения на русском языке: в исходном тексте оно несёт не смысловую, а стилистическую и эмоциональную нагрузку. Таким образом, в испанском переводе фрагмента мы видим пример так называемой «семантической эквивалентности», согласно терминологии Львовской [5, с. 23–24], которая не ведёт к адекватной передаче смысла.

Ещё один персонаж «Заповедника», в чьей речи часто встречаются тюремные жаргонизмы – это беллетрист Стасик Потоцкий. Если об уголовном прошлом Михал Иваныча читателю ничего не известно (на то, что такой опыт у персонажа был, намекают используемые им жаргонные выражения), то о судимости Потоцкого сообщает автор: Потоцкий год провёл в тюрьме по статье за бродяжничество. В целом для этого персонажа характерна довольно бедная и косноязычная речь, избыливающая сниженной лексикой и дискурсивными словами.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>	<i>La reserva nacional Pushkin</i>
Дед, я чуть не разбогател. Я придумал исключительный финансовый трюк. Послушай, идея такова. Я знакомлюсь с каким-нибудь фрайером . У него машина, деньги, бля, и прочее. Мы берём одну, заметь – одну чувиху и едем на пленэр [1, с. 213].	Cara, quase fiquei rico. Inventei um truque fora de série. Escuta, a ideia é a seguinte. Conheço um trouxa qualquer. Ele tem carro, dinheiro, porra, tem tudo. Pegamos uma safada (note-se: só uma) e vamos ao ar livre mesmo. [17, с. 78]	Niño, por poco me hago rico. Diseñé un plan fantástico para sacarse una pasta. Escucha, la idea era como te cuento. Se trata de localizar al típico subnormal . Con dinero, con coche, esas cosas. Nos ligamos a una, ¡atento!, a una sola chavala y nos la llevamos con el coche al campo, <i>au plein air</i> [18, с. 67].	Sabés, viejo, estuve a punto de volverme rico. Inventé un exclusivo truco financiero. Escuchá, la idea es esta. Busco a un tipo con dinero, auto y demás. Los dos buscamos a una mina , prestá atención: a una sola... y la llevamos a pasear [14, с. 65].

В данном фрагменте наше внимание привлекли лексемы тюремного жаргона «фрайер» и «чувиха». В случае лексемы «чувиха» мы наблюдаем тенденцию перехода жаргонных слов в разговорную речь, поскольку сейчас тюремное жаргонное значение слова уже стёрлось для носителей языка. Согласно словарю тюремного жаргона, лексема была заимствована из цыганского языка и употре-

блялась в криминальной среде с дореволюционных времён в значении «молодая проститутка» [3, с. 638]. Переводчики на португальский язык сохранили данные коннотации, значение «доступной женщины», используя разговорное *safada* (его можно перевести как «бесстыжая»).

В свою очередь переводчики из Испании использовали лексему *chavala*, «девчонка», также относящуюся к разговорной речи, которая обозначает молодую женщину или девочку и не обладает дополнительными коннотациями.

В аргентинском переводе используется разговорное *mina*, «девушка, женщина», широко употребляемое в регионе Рио-де-Ла-Плата. Лексема восходит к социолекту лунфардо, сложившемуся в Буэнос-Айресе к началу XX века, куда, согласно Словарю испанской королевской академии, в свою очередь слово было заимствовано из итальянского жаргона в значении «молодая проститутка» [23]. Таким образом, и в аргентинском переводе переводчикам также удаётся сохранить определённый сексуальный подтекст.

Хотелось бы отметить, что только в переводе на португальский сохраняется бранное слово, постоянно используемое персонажем в качестве дискурсивного маркера. Постоянно повторяющийся в речи Потоцкого дискурсивный маркер, в том числе внутри фразы, где беллетрист сравнивает себя с А.П. Чеховым («Я писатель, бля, типа Чехова» [1, с. 211]) является важной характеристикой персонажа, на которой строится авторская ирония. Для речи Потоцкого характерна стилистическая бедность, однако, несмотря на убогость языка, в отличие от главного героя повести, от чьего имени ведётся повествование, Бориса Алиханова (Алиханов принадлежит к неофициальной литературе, его не печатают и, соответственно, формально в советском литературном пространстве его не существует), Стасик Потоцкий, наоборот, считается профессиональным писателем – он состоит в Союзе писателей и ему удаётся опубликовать свои рассказы. Сохранение подобных дискурсивных элементов в тексте перевода представляется нам крайне важным, поскольку, как отмечает В.С. Модестов, «в пределах художественного текста язык тоже становится носителем информации» [6, с. 65].

Что касается лексемы «фрайер», пришедшей в русский тюремный жаргон из идиша, для неё характерна полисемность: «фрайером» могут называть и рядового уголовника, и любого человека, не являющегося вором в законе. Жаргонизм использовался с дореволюционных времён, а в 30-е годы прошлого века у него появилось дополнительное значение «потерпевший, наивный и доверчивый человек». Как отмечают авторы словаря «Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира», слово широко употреблялось в криминальной среде вплоть до 60-х гг. XX века [3, с. 607]. Следовательно, когда Довлатов служил охранником, оно ещё было в узусе.

В отсутствие эквивалентов в языках перевода переводчики обратились к разговорным выражениям: *trouxa* в португальском языке, которое можно как раз перевести как «простак, растяпа»; у лексемы *subnormal*, встречающейся в испанском переводе, тоже есть негативная коннотация и значение «глупый, умственно ограниченный, которого легко обмануть» [23]. Аргентинские переводчики использовали разговорное *tipo* («мужчина, человек»), не обладающее дополнительными коннотациями.

Как было отмечено выше, лексема «фрайер» обладает рядом значений и в том числе используется в разных значениях и в текстах Довлатова. Так, в романе «Ремесло» слово встречается в речи персонажа фарцовщика Акулы.

Ремесло	O ofício	Oficio	El oficio
- В Москве я жил как фрайер . Покупал у финского туриста зажигалку и делал на этом свой червонец [2, с. 119].	- Em Moscou, eu me virava como um fráier . Eu comprava um isqueiro de um turista finlandês e nisso juntava meus dez pratas [16, с. 141].	- En Moscú vivía como un señor . Le compraba el mechero a un turista finlandés, e de ese modo me agenciaba diez rublitos [15, с. 178].	- Yo vivía en Moscú como un pachá . Les compraba encendedores a los turistas finlandeses y con eso me hacía el día [13, с. 126].

Лексема «фрайер» здесь уже имеет другое значение, «рядовой уголовник, человек, нерегулярно занимающийся нелегальными вещами» [3, с. 607]. Чтобы сохранить авторский замысел, переводчики на португальский использовали стратегию форенизации, оставив слово без перевода. В тексте перевода есть сноска, где дана этимология слова и объясняется его значение в данном контексте. В свою очередь испанские и аргентинские переводчики в отсутствие эквивалента использовали стратегию доместикации и ушли от отсылки к тюремным реалиям: в испанском переводе используется *señor* («уважаемый человек»), в аргентинском – *pachá* («паша», выражение *vivir como un pachá* можно перевести как «жить в роскоши» [23]). Как мы видим, подобная переводческая трансформация (В.С. Модестов называет переводческими трансформациями «перестановки, замены, добавления, опущения и т.п., которые должны производиться с учётом контекста переводимого произведения» [6, с. 95]) в обоих случаях ведёт к некоторому искажению смысла исходного текста.

В следующем примере из романа «Ремесло» мы встречаем жаргонизм «вертухай», который употребляется в отношении автобиографического персонажа главный редактор крупнейшей русской эмигрантской газеты в США. Лексема «вертухай», ещё один пример безэквивалентной лексики, употребляется для обозначения тюремного надзирателя с 30-х гг. XX века, возникнув и распространившись в советских лагерях [3, с. 91].

<i>Ремесло</i>	<i>O ofício</i>	<i>Ofício</i>	<i>El ofício</i>
... И Боголюбов не выдержал. Он написал большую редакционную статью – «Доколе?». «Зеркало» в этой статье именовалось «грязным бульварным листком». А я – «бывшим вертухаем ». Речь в статье, естественно, шла о том, что мы продались КГБ [2, с. 153].	... Até que Bogoliúbov não aguentou. Escreveu um enorme editorial: "Até quando?". No artigo, chamou o <i>Espelho</i> de "uma folha ordinária e indecente". E eu, de "ex- capanga ". Naturalmente, o artigo tratava da ideia de termos nos vendido ao KGB [16, с. 180].	... Bogoliúbov no pudo aguantarlo. Escribió un extenso editorial, "¿Hasta cuándo?". En el artículo se llamaba a El <i>Espejo</i> "sucio periodichucho". Y a mí, "antiguo carcelero ". Por supuesto, lo que venía a decir que nos habíamos vendido al KGB [15, с. 225–226].	... Y Bogoliúbov no lo aguantó. Escribió un largo editorial: "¿Hasta cuándo?". Se nombraba allí a <i>Zéрко</i> como "sucia y vulgar gacetilla", y a mí como "ex carcelero ". En el artículo se decía, desde ya, que nos habíamos vendido al KGB [13, с. 160].

В отсутствие эквивалентов переводчики на пиренейский вариант и аргентинский национальный вариант испанского языка заменили его в тексте перевода стилистически нейтральным *carcelero* («тюремщик, тюремный надзиратель»).

Однако в данном фрагменте необходимо учитывать контекст, в котором употребляется слово: лексема «вертухай» и эмоционально, и стилистически очень нагружена, и важно, что по сюжету в романе её употребляет главный редактор крупнейшей эмигрантской газеты в США на русском языке, представитель «белой эмиграции», и читателю исходного текста очевидно, что это совершенно несвойственная для него лексика. В связи с этим, к сожалению, нельзя не отметить, что решение испанских и аргентинских переводчиков привело к некоторому стилистическому «обесчечиванию» фрагмента, в результате которого был потерян ряд коннотаций и смыслов, присутствующих в оригинале.

Чтобы сохранить эмоциональную и стилистическую экспрессию исходного фрагмента, переводчики на португальский язык ушли от дословного перевода и использовали разговорное *capanga* («наёмник», «телохранитель»). Стоит отметить, что данная лексема, заимствованная из языка тупи-гуарани, также присутствует в риоплатском испанском (согласно Словарю королевской академии, слово употребляется в Аргентине, Уругвае, Парагвае и Боливии) в том же значении [23].

Для создания комического эффекта Довлатов нередко прибегает к стилистическому приёму каламбура. Необходимо отметить, что перевод юмора вызывает особые сложности в силу его имплицитного характера и культурной маркированности: комическое всегда тесно связано с культурой, в которой было произведено, отражает её особенности и содержит коннотации и ассоциации, носящие имплицитный характер [21, с. 150]. Поэтому для сохранения юмора переводчикам нередко приходится адаптировать его к культуре перевода, используя стратегию доместикации. При подобной адаптации текста появляется возможность активизировать фоновые знания чита-

теля – носителя другой культуры, чтобы видоизменённая шутка, учитывающая иной культурный контекст, сохранила свою коммуникативную функцию.

Чаще всего в основе каламбура лежит явление полисемии: в одном контексте «актуализируются несколько значений полисемантической единицы» [12, с. 112], и на этом строится юмор высказывания. В следующем примере из «Заповедника» персонаж Потоцкого строит свою шутку на многозначности глагола «сидеть» и его разговорном значении «сидеть, пребывать в тюрьме». Для разговорной речи в принципе характерна эллиптичность, и подобная тенденция также прослеживается и в испанском, и в португальском языке. Так, говоря о русском языке, Т. Д. Соколовская отмечает, что для «разговорной речи характерен экономный способ выражения того или иного содержания» [8, с. 6]; на синтаксическом уровне эта экономность проявляется в неполных (эллиптических) выражениях [там же, с. 11]. Н. М. Фирсова так же отмечает эллиптичность как одну из наиболее ярких специфических черт синтаксиса испанской разговорно-обиходной речи [11, с. 13].

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural</i>	<i>Retiro</i>	<i>La reserva nacional Pushkin</i>
- Садитесь. - <i>Я уже сидел</i> , - юмористически высказался Потоцкий [1, с. 242].	- Tomem uma cadeira. - <i>Já tomei um chá de cadeira no xadrez</i> – expressou-se com humor Potótski [17, с. 114].	- Pero tomad asiento... - <i>Yo preferiría tomar cualquier otra cosa</i> – dijo Pototsky, haciéndose el gracioso [18, с. 111].	- Siéntense. - <i>Ya estuve sentado</i> – se expresó con humor Potótski [14, с. 98].

Бразильские и испанские переводчики прибегли к стратегии доместикации, адаптировав шутку под культуру перевода. В тексте на португальском языке постарались сохранить присутствующую в оригинале «тюремную» отсылку. В ответ на приглашение взять стулья, чтобы присоединиться к трапезе (*tomar cadeira*), персонаж Потоцкого обыгрывает это выражение с созвучным ему *tomar chá de cadeira*, в котором глагол *tomar* уже используется в другом значении (дословно фразеологизм можно перевести как «пить чай из стула»), «долго ждать», отвечая, что ему уже приходилось «долго ждать в тюрьме». Говоря о тюрьме, персонаж использует разговорное *xadrez* (возможные варианты перевода на русский язык – «тюряга, кутузка»). Таким образом, переводчикам удалось сохранить в этом фрагменте не только юмор, но и намёк на тюремное прошлое Потоцкого, который присутствует в оригинале.

Отдельно хотелось бы прокомментировать лексему *xadrez* (первое словарное значение – «шахматы»), которая в разговорной речи в результате метонимического переноса приобрела новое значение «тюрьма». Так, *xadrez* в значении «клетка (узор, клетка на ткани)» стало использоваться для обозначения места пребывания заключённых, которые видят мир из-за тюремной решётки «в клетку» (можно провести аналогию с русским выражением «небо в клеточку»).

В испанском переводе также обыгрывается полисемность глагола *tomar*: на предложение садиться, *tomar asiento*, Потоцкий отвечает, что предпочёл бы «выпить что-нибудь другое» (*tomar cualquier otra cosa*). Таким образом, переводчикам удаётся сохранить шутку персонажа, однако в переводе пропадает отсылка к тюрьме. Вместо неё переводчики обратились к теме алкоголя, очень важной для художественного мира Довлатова и в том числе созвучной и персонажу Потоцкого. В этом отношении, безусловно, переводчикам удалось сохранить авторский стиль. В целом можно отметить, что испанские переводы обоих текстов (над ними работала одна группа переводчиков) выполнены на более низком уровне эквивалентности по сравнению с бразильскими и аргентинскими.

Аргентинские переводчики, напротив, использовали стратегию форенизации, никак не адаптируя текст оригинала под культуру перевода. Поскольку в аргентинском испанском глагол «сидеть», *estar sentado*, не обладает дополнительными коннотациями, присутствующими в русском языке, никаких ассоциаций с тюрьмой у аргентинских читателей он не вызывает, а каламбур, присутствующий в исходном тексте, в переводе отсутствует.

Выводы

Проведённый анализ продемонстрировал, что основную сложность при переводе жаргонной лексики, которая встречается в произведениях Довлатова, вызывает её стилистическая и культурная маркированность, связанная в первую очередь с особым местом тюремного жаргона в русской культуре. Содержащиеся в тюремных жаргонизмах русского языка коннотации и имплицитная информация, как правило, недоступны иностранным читателям, а переводчикам не удаётся найти эквивалентные тюремные жаргонизмы, поскольку широкой публике в культуре перевода этот пласт лексики не знаком. Для сохранения авторского замысла и стиля переводчики анализируемых текстов прибегают к следующим стратегиям:

1) При переводе тюремных жаргонизмов и в бразильском португальском, и в аргентинском, и в пиренейском вариантах испанского языка переводчиками нередко используется разговорная, сниженная лексика, в большинстве случаев не обладающая коннотациями, отсылающими к тюрьме. Переводчики используют такие лексемы, как *cuzão, trouxa, capanga, cana, dedo-duro, algacete* (бразильский перевод); *mina, puta, entregador, chusma* (аргентинский перевод); *chavala, subnormal, capullo, chivato* (испанский перевод) и др.

2) Иногда жаргонизмы и разговорные выражения заменяются стилистически нейтральными. Так, и в аргентинском, и в испанском переводе романа «Ремесло» лексема «ветрухай» была заменена стилистически нейтральным *carcelero*; в аргентинском переводе «Заповедника» лексема «фрайер» была заменена *tipo* и др.

3) В некоторых случаях переводчики также используют стратегию форенизации, переводя дословно не имеющее эквивалентов в языке перевода слово или выражение, или же оставляя слова без перевода и сопровождая их сноской с комментарием (как поступили бразильские переводчики с лексемой «фрайер» в романе «Ремесло»).

4) В иных ситуациях переводчики прибегают и к свободному переводу. Особенно часто этот приём используется для сохранения юмора фрагмента, при переводе игры слов и каламбуров.

К сожалению, разница в картинах мира носителей разных культур и незнание иностранными читателями экстралингвистического контекста неизбежно приводит к утрате части смыслов и экспрессии, заложенных автором в исходном тексте. Тем не менее, восприятие произведений Довлатова за рубежом, растущий интерес иностранных читателей и исследователей к его творчеству демонстрируют принципиальную возможность как минимум частичного сохранения культурного своеобразия текстов писателя.

© Микаэлян Ю.И., 2023

Список литературы

1. Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 173–280.
2. Довлатов С. Ремесло / Сергей Довлатов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 192 с.
3. Зугумов З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. (Серия «Библиотека профессиональных словарей») / Предисловие Владимир Станиславович Елистратов. Рецензия Анатолий Леонтьевич Жогло. Автор и составитель Заур Магомедович Зугумов. М.: Книжный мир, 2015. 728с.
4. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. Сеул, 2000. С. 63–91.
5. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода: Пер. с исп. Изд. стереотип. М.: Издательство ЛКИ, 2018. 224 с.
6. Модестов В. С. Искусство художественного перевода. Учебное пособие. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2021. 592с.
7. Надель-Червинска, М. Место уголовного жаргона в русскоязычной картине мира (шкала ценностей)/ V/ Надель-Червинска, М., Червински // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 125–132.
8. Соколовская Т. Д. Русская разговорная речь (материалы по спецкурсу). М.: Институт русского языка имени А. С. Пушкина, 1994. 63 с.
9. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Издательство «Нестор-История», 2006. 278 с.

10. Усачева А. Н. Скопос, интерпретация, когниция: от мультивекторной теории перевода к эффективной практике/ А.Н. Усачева, Т.Ю. Махортова, О.И. Попова и др. // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 46–59.
11. Фирсова Н. М. Испанская разговорная речь: Учеб. Пособие. М.: Изд-во РУДН, 1999. 262 с.
12. Шмелёва Е.С. О понятии каламбура. Вестник МГЛУ. Выпуск 19 (758) / 2016. С. 110–120.
13. Dowlátov S. *El oficio*. 1ª ed revisada. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2017. 198 p.
14. Dowlátov S. *La reserva nacional Pushkin: seguido de Ariel y La uva*. 1ª ed volumen combinado. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2016. 156 p.
15. Dowlátov S. *Oficio*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 320 p.
16. Dowlátov S. *O oficio*. São Paulo: Kalinka, 2017. 117 p.
17. Dowlátov S. *Parque cultural*. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 p.
18. Dowlátov S. *Retiro*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
19. Reiss, K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. In: Venuti, L. (org.) *The translation studies reader*. London and New York: Routledge, 2000. P. 160–171.
20. Schleiermacher, F. Sobre los diferentes métodos de traducir // *Teoría de la traducción. Antología de textos*. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. C. 129–157.
21. Vandaele J. Humour in translation. In *Handbook of Translation Studies. Vol 1*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 147–152.
22. Venuti L. *The scandals of translation: towards an ethics of difference*. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.
23. Diccionario de la Real Academia Española [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rae.es/> (Дата доступа: 09.04.2023).

References

1. Dowlatov, S. *Zapovednik [Pushkin Hills]* // *Zapovednik [Pushkin Hills]*. SPb.: Azbuka, 2003. P. 173–280.
2. Dowlatov, S. *Remeslo [Craft]* / Sergei Dowlatov. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 192 p.
3. Zugumov, Z.M. *Russkoiazыchnyi zhargon. Istoriko-etimologicheskii, tolkovyi slovar' prestupnogo mira. (Serii «Biblioteka professional'nykh slovari»)* [Russian jargon. Historical and etymological, explanatory dictionary of the criminal world. (Series “Library of Professional Dictionaries”)] / Predislovie Vladimir Stanislavovich Elistratov. Retsenziia Anatolii Leont'evich Zhoglo. Avtor i sostavitel' Zaur Magomedovich Zugumov. [Preface by Vladimir Stanislavovich Elistratov. Review by Anatoly Leontievich Zhoglo. Author and compiler Zaur Magomedovich Zugumov.] M.: Knizhnyi mir, 2015. 728 p.
4. Krysin, L. P. O nekotorykh izmeneniakh v russkom iazyke kontsa XX veka [About some changes in the Russian language of the late twentieth century] // *Issledovaniia po slavianskim iazykam [Research on Slavic languages]*. № 5. Seul, 2000. P. 63–91.
5. L'vovskaya, Z. D. *Sovremennye problemy perevoda: Per. s isp. Izd. Stereotip [Modern problems of translation: translated from Spanish stereotype edition]*. M.: Izdatel'stvo LKI, 2018. 224 p.
6. Modestov, V. S. *Iskusstvo khudozhestvennogo perevoda. Uchebnoe posobie [The art of literary translation. Study guide]*. M.: Literaturnyi institut imeni A. M. Gor'kogo, 2021. 592 p.
7. Nadel'-Cher'vinska, M., Chervinski, A. Mesto ugovornogo zhargona v russkoiazыchnoi kartine mira (shkala tsennosti) [The place of criminal jargon in the Russian-speaking world view (scale of values)] // *Politicheskaia lingvistika [Political linguistics]*. 2009. № 2 (28). P. 125–132.
8. Sokolovskaia, T. D. *Russkaia razgovornaia rech' (materialy po spetskursu) [Russian colloquial speech (materials for the special course)]*. M.: Institut russkogo iazyka imeni A. S. Pushkina, 1994. 63 p.
9. Sukhikh, I. *Sergei Dowlatov: vremia, mesto, sud'ba*. 2-e izd., ispr. i dop. [Sergey Dowlatov: time, place, fate. 2nd edition, revised and augmented.] SPb: Izdatel'stvo «Nestor-Istorii», 2006. 278 p.
10. Usacheva, A. N., Makhortova, T. Iu., Popova O. I., et al. Skopos, interpretatsiia, kognitsiia: ot mul'tivektornoj teorii perevoda k effektivnoj praktike [Scopos, interpretation, cognition: from multivector translation theory to effective practice] // *Vestnik VolGU. Serii 2. Iazykoznanie [Bulletin of the VolGU. Series 2. Linguistics]*. 2015. № 5 (29). P. 46–59.
11. Firsova, N. M. *Ispanskaia razgovornaia rech': Ucheb. Posobie [Spanish Colloquial Speech: A Textbook]*. M.: Izd-vo RUDN, 1999. 262 p.
12. Shmeleva, E.S. O poniatii kalambura. *Vestnik MGLU. Vypusk 19 (758) [About the concept of a pun. Bulletin of the MGLU. Issue 19 (758)]* / 2016. P. 110–120.
13. Dowlátov, S. *El oficio*. 1ª ed revisada. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2017. 198 p.
14. Dowlátov, S. *La reserva nacional Pushkin: seguido de Ariel y La uva*. 1ª ed volumen combinado. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Añosluz Editora, 2016. 156 p.
15. Dowlátov, S. *Oficio*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 320 p.
16. Dowlátov, S. *O oficio*. São Paulo: Kalinka, 2017. 117 p.
17. Dowlátov, S. *Parque cultural*. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 p.
18. Dowlátov S. *Retiro*. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
19. Reiss, K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. In: Venuti, L. (org.) *The translation studies reader*. London and New York: Routledge, 2000. P. 160–171.
20. Schleiermacher, F. Sobre los diferentes métodos de traducir // *Teoría de la traducción. Antología de textos*. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. C. 129–157.
21. Vandaele, J. Humour in translation. In *Handbook of Translation Studies. Vol 1*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 147–152.
22. Venuti, L. *The scandals of translation: towards an ethics of difference*. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.
23. Diccionario de la Real Academia Española, <https://www.rae.es/> (Accessed 09.04.2023).

Сведения об авторе:

Микаэлян Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, семиотика культуры, художественный перевод, перевод юмора. E-mail: jmikaelyan@gmail.com. ORCID 0009-0007-7147-8190

About the author

Yulia I. Mikaelyan, PhD, is Associate Professor of Spanish Department at MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: cultural linguistics, semiotics of culture, literary translation, humour translation. E-mail: jmikaelyan@gmail.com. ORCID 0009-0007-7147-8190

* * *